Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука

Владимир Кореняко

9 января исполнился год со дня скоропостижной смерти смерти археолога и этнографа Владимира Александровича Кореняко, ведущего научного сотрудника Государственного музея искусства народов Востока, одного из авторов нашего сайта. С разрешения издательства перепечатываем его статью об этнонационализме, которая год назад была опубликована в журнале «Историческая экспертиза» (издательство «Нестор-история»).

Предисловие Сергея Панарина в журнале «Историческая экспертиза»

9 января 2016 г. скоропостижно скончался ведущий научный сотрудник Государственного музея искусства народов Востока Владимир Александрович Кореняко. Это был человек, успешно сочетавший полевую и кабинетную работу, прекрасно знавший культуру и искусство разных народов Евразии – от ногайцев до бурят, сделавший имя сразу в нескольких смежных дисциплинах – в археологии и этнографии, эпиграфике и искусствоведении. Причём он обладал глубокими знаниями во всех исследовательских «полях», на которых ему довелось побывать. В то же время его отличало обостренное чутьё и на все подлинное, настоящее, действительно творческое, и на «красиво» придуманное – на «головные» конструкции, по видимости красивые, но плохо выдерживающие поверку фактами, а то и вовсе держащиеся на вольных или невольных софизмах и подтасовках. В соединении со здравым смыслом это качество делало его суждения и оценки безупречно взвешенными. Замечательно и то, что оценки его были абсолютно независимыми от популярности тех или иных теорий, как и от статуса их авторов. Поэтому он оказался бескомпромиссным критиком и западного постмодернизма, и таких прославленных авторов этногенетических квазинаучных построений, как Л. Н. Гумилёв и Б. А. Рыбаков (не говоря уж о невежественных дилетантах типа Мурада Аджи).

К сожалению, наиболее яркие критические работы Владимира Александровича публиковались в изданиях малотиражных, а их электронные версии были размещены в основном на его личном сайте, известном преимущественно лишь узкому кругу друзей и знакомых. Между тем, они практически ни в чём не утратили своей актуальности. Когда их читаешь сегодня, создается впечатление, что они написаны специально для журнала «Историческая Экспертиза». Впечатление – не ложное, статьи Кореняко действительно очень точно соответствуют кредо журнала. Поэтому редакционным советом журнала было решено напечатать на его страницах одну из наиболее значительных критических историографических работ Владимира Александровича[1].

Согласие первого публикатора и наследников журналом получено.

Сергей Панарин

Настоящая статья отчасти стимулирована наблюдениями автора над тем обширным потоком популярной литературы, который принято называть дилетантскими историческими сочинениями и который связан с оживлением этнонационалистической идеологии в 80-90-х годах. В соответствии с основным направлением своих профессиональных занятий — изучением традиционной культуры тюрко-монгольских народов — я старался следить в основном за теми публикациями, авторами которых являются представители тюркских и бурятского этносов. Но любой объективный наблюдатель, поставивший перед собой подобную цель, легко убедится в том, что плоды дилетантской историографии, при этом имеющие явно националистический привкус, обильны и во многих других этнических ареалах, хотя и не во всех. Исключением является, например, Калмыкия. Это объясняется тем, что основной идеей большинства этнонационалистических квазиисториографических публикаций является автохтонность этноса. Предки калмыков (западно-монгольские этнические группы торгоутов, хошоутов и дербетов) появились в Поволжье, Прикаспии и Предкавказье «слишком поздно» — в XVII в. Позднее и чисто миграционное появление калмыков в современном ареале настолько бесспорно и общеизвестно, что автохтонистская гипотеза их этногенеза не имеет никакого смысла. Поэтому «государственная идеология» Республики Калмыкия — Хальмг Тангч строится не по «исторической», а по «философской» модели — с упором на «общечеловеческие», «планетарные» и «космические» мотивы, носителем и воплощением которых то ли является, то ли должна стать Калмыкия (*Илюмжинов* 1997а; 1997б).

Пестрый и исключительно обильный поток националистических квазиисториографических публикаций — книжных, журнальных, газетных — уже нашел своих серьезных исследователей. Кажется, наиболее активным из них сегодня является В. Шнирельман (*Шнирельман* 1995; 1996; 1998а; 1998б; *Shnirelman* 1995; 1996; 1997). Он взял на себя роль основного академического критика тех разнообразных и назойливых текстов, которые выходят из-под перьев этнонационалистических публикаторов. На мой взгляд, В. Шнирельман хорошо справляется с этой ролью. Его насыщенные фактами и отличающиеся широким аналитическим подходом исследования позволяют мне не останавливаться специально на морфологии

этноисторических мифов, т. е. на систематизации их «сквозных сюжетов» — эта работа В. Шнирельманом в целом уже сделана, — в различных публикациях он предлагает классификации из четырех, восьми (*Shnirelman* 1997) и девяти позиций. Существуют и другие классификации. Археолог Л. Клейн писал о трех наиболее характерных проявлениях синдрома национальной уязвленности в содержании археологических исследований. К ним он отнес (*Клейн* 1993: 66–68):

«всемерное отстаивание исконности, глубочайшей древности своего народа и обитания его всегда, испокон веков, на его нынешней территории»;

«поиски “знатных предков”, происхождение от которых могло бы возвеличить уязвленный народ в собственных глазах и в глазах соседей»;

«войну на археологических картах, археологическую экспансию» — «представители каждого уязвленного народа стремятся представить территорию своего народа или землю своих “знатных предков” как можно более пространной, покрывающей и земли нынешних соседей».

Иными словами, морфология «сквозных сюжетов» может быть полной или неполной, укрупненной или дробной. При этом во всех случаях прослеживается общий смысл квазиисторических сюжетов: они направлены на идеализацию исторического прошлого определенного, «своего» этноса. Когда «отлет» таких идеализирующих фантазий от исторических фактов выходит далеко за рамки академической историографии, эпатированные читатели оценивают соответствующие дилетантские сочинения как бред. Возможна и более корректная оценка, но также с применением психиатрического термина: историографическая мегаломания (мания величия).

На мой взгляд, дилетантская квазиисториографическая публицистика — не просто и не только зеркало, в котором отражаются, например, тюркский (тюркистский) этнонационализм или русский шовинизм. Это вполне самобытное и довольно сложное явление. Если его основные мотивы («мифологемы», идеи, «сквозные сюжеты») вполне выяснены, то другие аспекты изучены недостаточно. К ним можно отнести истоки и причины квазиисториографического течения, его взаимоотношения с профессиональной академической наукой и другие моменты.

Уже сама этимология терминов «дилетант», «дилетантизм», «дилетантский» говорит о том, что мы имеем дело с противоречивым понятием. В общем дилетантами называют людей, пытающихся занять или уже занявших место в какой-либо сфере деятельности, которая требует специального обучения, профессиональной подготовки, но такого обучения не прошедших и подобной подготовки не получивших. При этом хорошо известны люди, формально бывшие дилетантами (точнее, не получившие статуса профессионала), но внесшие серьезный вклад в науку и технику, даже ставшие в этих областях корифеями.

Пример противоположного явления. В квазиисториографии последних 10–15 лет «отличились» археологи И. Мизиев (Кабардино-Балкария) и Н. Мажитов (Башкирия). Оба сделали успешную профессиональную карьеру, занимаясь региональной археологией: Н. Мажитов специализировался на изучении средневековых памятников, И. Мизиев исследовал памятники средневековья и эпохи бронзы. И тот и другой обратились к археологии скифо-сарматских кочевников и попытались доказать их тюркскую языковую принадлежность. Это вызвало резкие возражения специалистов по скифо-сарматской археологии, поскольку практически все они считают скифов, савроматов, сарматов и саков ираноязычными. Академическая репутация Н. Мажитова и И. Мизиева сейчас несколько подпорчена, зато их популярность вне профессиональной среды выросла. Должны ли они быть объявлены дилетантами? И если они дилетанты, то в чем? Диссертационные советы и ВАК выдали им документы, официально удостоверяющие их профессиональный статус высококвалифицированных специалистов-археологов. Или они дилетанты потому, что, будучи археологами, занялись палеолингвистической атрибуцией древнекочевнических археологических культур? Но ведь и практически все оппоненты Н. Мажитова и И. Мизиева из числа скифологов и сарматоведов не имеют лингвистического образования и специальной подготовки в области иранской или тюркской филологии. Тогда есть основание объявить дилетантами этих упорных защитников скифо-сарматского ираноязычия — дискуссия в «квалификационном» плане идет на равных, и у них имеется лишь то небесспорное преимущество, что тезис об ираноязычии скифов и сарматов «академичен», а гипотеза о тюркоязычии — нет.

Напомню, что слово «дилетант» происходит от латинского «delecto» — услаждаю, забавляю. То есть дилетант — человек, получающий эмоциональное, психическое удовлетворение от своих занятий независимо от объективных результатов и оценки окружающих. Вознаграждения, рецензии, получение ученых степеней и званий вполне могут быть вторичными по сравнению с основным психическим стимулом. Таким образом, сомнительно, что все историографы-дилетанты — некие агенты националистических элит, исполнители идеологических заказов «этнических бизнесменов».

Их критики как раз предпочитают эту простую и рациональную модель: этническая (этнократическая) элита формулирует идеологический заказ («спускает лозунги»), а квазиисториографы этот заказ выполняют. Однако рассматривая конкретные сочинения, мы во многих случаях не можем обнаружить не только таких ясных связей между «заказчиками» и «исполнителями», но и «лозунгового» смысла основных сюжетов.

Обратимся, например, к публицистике М. Аджиева (Мурада Аджи), одного из наиболее известных тюркистских квазиисториографов-дилетантов. К числу основных его тезисов относится утверждение о том, что первоначальным ареалом христианства были не Палестина и Римская империя, а Алтай и «государство Дешт-и-Кипчак» IV–V вв. н. э.: «Аттила и его соплеменники сделали Европу христианской» (*Аджиев* 1992: 76–102; *Аджи* 1994: 193–250). Разумеется, научная ценность данного утверждения равна нулю. Но при этом трудно представить себе корреляцию соответствующих глав книг М. Аджиева с какими-либо внятными этнонационалистическими планами или лозунгами. Допустим, доверчивые читатели М. Аджиева поверят, что подлинное изначальное христианство — это тюркское «тенгрианство» и что тюркские народы приняли ислам «очень поздно», «от отчаяния и бессилия» и «очень формально» (*Аджиев* 1992: 80–81). Каковы должны быть последствия этой инверсии, что должны делать теперь если не «тюркские народы», то их доверчивые представители, начитавшиеся книг М. Аджиева? Закрывать мечети? Строить церкви? Покупать Евангелия? Налаживать производство «тенгрианских крестов»?

Другой пример — один из самых эмоциональных пассажей М. Аджиева о том, как «наш кипчакский-половецкий народ», «потерявший запах емшан-травы», «судьбой разбит на осколки и разбросан по свету». «Так и случилось: из великого степного народа, в V в. покорившего Европу, теперь сделали маленькие “народики”. Важных карапузов. Так и идем мы по жизни — веками нас разделяли, чтобы властвовать над нами!.. Но “народики”, в ущерб Истине придумывающие себе прошлое, во сто крат страшнее и в тысячу раз позорнее. Они смирились со своим унижением, кандалы им больше не трут. Забыв древние святые образы, рисуют себе новые, очень сомнительного происхождения. Жалкие, потерянно копошащиеся, они уже не видят развалин величественного отчего дома, не чувствуют былую его теплоту» (*Аджи* 1994: 14–15).

Каков прикладной этнополитический смысл этих фраз? Что должны делать «народики-карапузы»? «Конструировать» единую историю? Создавать единый язык? Учреждать якутско-гагаузское государство (эти народы перечислены подряд в подзаголовке одной из книг нашего автора)?[2]

Такие простые и не находящие конкретных ответов вопросы подводят к мысли, что при анализе этого феномена примитивная схема «заказчики — исполнители» во многих случаях не работает. Для многих дилетантов-квазиисториографов основным стимулом является не исполнение заказов неких этнических элит, а самовыражение.

Сказанное заставляет относиться к термину «дилетантизм» достаточно сдержанно. Его можно применять с двумя существенными оговорками. Во-первых, граница между дилетантизмом и профессионализмом, даже соответствующим общепринятым академическим требованиям, более прозрачна, чем это многим кажется. Во-вторых, необходимо учитывать серьезный психический компонент этнонационалистической квазиисториографии.

Непреодолимость границы между дилетантской и профессиональной историографией иллюзорна, потому что «пограничные знаки» очень конкретны и бросаются в глаза. Например, мне для того, чтобы отнести какую-либо «тюркологическую» публикацию к дилетантским, достаточно просмотреть ее «по диагонали» и обнаружить там что-то вроде «П. Карпини» или «Атиллы». Сразу видно, что автор, превративший первую часть фамилии Джованни дель Плано Карпини в инициал или упорно пишущий имя Аттилы с одним «т» и двумя «л», не только не является тюркологом-профессионалом, но и просто невнимательно читал источники хотя бы в русских переводах, а то и вовсе в собственно источники не заглядывал.

Примерно то же писал И. Пьянков в рецензии на публикацию азербайджанского дилетанта Т. Мамедова: «…Кажущаяся доступность древней истории — обманчива и коварна. И дилетант попадает в западню, с первых же фраз выдавая “ляпы” и “перлы”, к сожалению, не всегда очевидные для массового читателя, но у специалистов вызывающие невольную улыбку (впрочем, иногда и ярость, и глубокую печаль — смотря по темпераменту). Дело тут даже не столько в фактических ошибках, искажениях и всяких несуразностях, — хотя и их бывает предостаточно, сколько в полном отсутствии специальной подготовки, которая приобретается годами и которую нельзя определить кратко и однозначно» (*Пьянков* 1990:176).

И. Пьянков в этой рецензии описывает и некоторые другие признаки дилетантской литературы. Некоторые из них могут быть установлены только после более или менее серьезного анализа. Например, недостаточное знание научной литературы и истории вопроса: «Не зная научной литературы, дилетант, естественно, не способен и ориентироваться в ней. Отсюда проистекают типичные для дилетантов ошибки: общепринятые распространенные положения они часто принимают за чье-то личное мнение или открытие… (И у дилетанта, не знакомого с литературой вопроса, не видящего „обоснования“ в известных ему работах, словом, замечающего только вершинку айсберга, появляется соблазн легким щелчком опрокинуть весь айсберг, соблазн легких „опровержений“ и „открытий“)… и наоборот, отдельные сомнительные и даже просто фантастические построения — за последнее слово науки, всеми признанное и окончательное» (*Пьянков* 1990: 177).

Другие признаки, отмеченные И. Пьянковым, бросаются в глаза. Например, «способ звуковых уподоблений», в сущности имитирующий или даже пародирующий этимологический метод лингвистики, но с помощью которого можно буквально «творить чудеса». Действительно, более или менее объемистые колонки и таблицы, составленные из сходно звучащих разноязычных слов, довольно часто встречаются в сочинениях дилетантов. Еще один признак — особенности библиографии или справочного аппарата. Общим признаком дилетантских библиографий является, например, большая доля ссылок на научно-популярные издания. Особенность тюркологов-дилетантов — фактическое незнание западной тюркологической литературы, а она не только превосходит отечественную объемом, но и исследует многие проблемы, в изучении которых

советские и российские тюркологи далеко отстали.

Итак, представление о границе между дилетантской квазиисториографией и академической историографией двойственно. С одной стороны, она обозначена конкретными и хорошо заметными признаками. С другой стороны, она «прозрачна», проницаема прежде всего благодаря не столь многочисленным, сколь заметным фигурам, вроде бы принадлежащим миру академической науки и во всяком случае начинавшим как исследователи академического типа, но затем эволюционировавшими в направлении дилетантизма.

Наиболее крупной и яркой или, как теперь принято говорить, «культовой», «знаковой» фигурой этого рода для тюркофильской квазиисториографии и тюркской этнонационалистической публицистики давно стал Л. Гумилев.

Сочинения Л. Гумилева критиковались с двух основных точек зрения. Во-первых, его обвиняли в «биологизаторском» или «биолого-энергетическом» подходе к этнической истории (*Бромлей* 1981: 247; 1983: 20, 209–210, 213–215; *Ефремов* 1971: 77–80; *Козлов* 1974: 72–85). Другое направление критики было собственно историографическим. Наиболее известна критика гумилевской концепции русско-монгольских отношений XIII в., изложенная В. Чивилихиным в романе-эссе «Память» (*Чивилихин* 1982: 462–482, 488, 490–499, 516, 544–545). Тюркологи и китаисты скорее игнорировали работы Л. Гумилева, чем критиковали; их оценки были кратки. В частности, они указывали на «органические дефекты источниковедческой базы его исследования», поскольку «основные источники» «представляются второстепенными в общей совокупности источников, имеющихся сегодня в распоряжении исследователя» (*Крюков и др.* 1979: 7–8, 60–61). Однако до тотальной или хотя бы относительно полной историографической и источниковедческой экспертизы книг Л. Гумилева дело до сих пор не дошло и скорее всего не дойдет.

Что касается журналистской критики Л. Гумилева, то она очень поверхностна и не вскрывает сути дела, даже когда к ней подключаются профессионалы. В марте 1998 г. журнал «Итоги» опубликовал статью Д. Драгунского «Массовая культура для избранных». Произведения Л. Гумилева объявлены «странным бантиком на пестрой упаковке современного российского масскульта»; хотя Л. Гумилев «в нишу массовой культуры попадает помимо собственной воли», но, «работая с неподдельным энтузиазмом дилетантов», с «эмоциональным напором, хлещущим со страниц сочинений», Л. Гумилев создал «интеллектуальные ужастики», в которых главное — «сенсационные выводы». Дополнительно к статье Д. Драгунского опубликована заметка В. Шнирельмана[3]. Правильно указав основные методы гумилевской историософии, В. Шнирельман совершенно напрасно объясняет предложенную Л. Гумилевым концепцию этногенеза тем, что он «вдохновлялся древнекитайскими представлениям» «о жизненной энергии ци» (Драгунский 1988: 50–53; Шнирельман 1988: 51–52). Все, что Л. Гумилев написал о «древнекитайской мистике» (видимо, В. Шнирельман имеет в виду даосизм), укладывается в несколько абзацев и не свидетельствует ни о глубоких знаниях, ни о большом интересе[4].

Вопрос о том, в какой мере Л. Гумилев был дилетантом, не столь интересен, как проблема его эволюции от тюркологии и кочевниковедения к историософии. Активная публикация в 80-90-х годах практически всех текстов Л. Гумилева и различных относящихся к его деятельности материалов позволяет проследить эту эволюцию и установить, что его вдохновляло на самом деле, что понуждало двигаться от профессионализма к дилетантизму.

По-видимому, вернувшись осенью 1956 г. в Ленинград из «мест не столь отдаленных», Л. Гумилев написал письмо в Прагу евразийцу П. Савицкому, в котором делился исследовательскими планами. Опубликовано ответное письмо П. Савицкого от 1 января 1957 г., из которого следует, что Л. Гумилев предполагал заняться «глубоким социальным анализом истории кочевников» и на этой основе объяснить «своеобразную ритмику» истории кочевого мира (Гумилев 1993: 205–211). Одновременно обсуждалась и роль «географического фактора». Никаким глубоким социальным анализом Л. Гумилев впоследствии не занимался. Можно лишь догадываться, что такое намерение было. Может быть, оно было связано с антипатией к А. Бернштаму, выпустившему в 1946 г. книгу о социально-экономическом строе орхоно-енисейских тюрок (Бернштам 1946). Л. Гумилев защитил кандидатскую диссертацию в 1948 г., тут же был арестован и отторгнут от научной работы еще на восемь лет. Он не скрывал, что считает А. Бернштама своим главным врагом и доносчиком, испортившим ему жизнь до 1956 г. (Гумилев 1993: 25), когда не сильно разошлись во времени освобождение и возвращение в Ленинград Л. Гумилева и смерть А. Бернштама.

Вернувшись в Ленинград 44-летним кандидатом наук со скудным багажом публикаций, Л. Гумилев оказался перед необходимостью догонять коллег-ориенталистов. Выпуск в 1960 г. книги «Хунну», а затем — «Степной трилогии»: «Хунны в Китае» (1974), «Древние тюрки» (1967), «Поиски вымышленного царства» (1970), видимо, показал, что ликвидация «органических дефектов источниковедческой базы» — столь же неподъемное занятие, как и «глубокий социальный анализ истории кочевников». Книги хорошо покупались, но оценки коллег-профессионалов были сдержанными. Другая тема, интересовавшая Л. Гумилева в 60-х годах, — связь «ритмов кочевых культур» с климатическими колебаниями — в принципе не была оригинальной (на Западе ею начинали заниматься О. Латтимор и Р. Груссе) и сравнительно быстро исчерпала себя.

Нужен был большой, эффектный успех, и ради него можно было поступиться соображениями научной этики. Именно так можно объяснить скандальную историю с альбомом «Старобурятская живопись» (Гумилев 1975). Нынешние последователи и

биографы Л. Гумилева пытаются выдать эту дилетантскую затею за некий хитроумный маневр, предпринятый гонимым ученым, — что-то наподобие эпизода из воспоминаний А. Солженицына «Бодался теленок с дубом». А. Куркчи пишет: «…В 1975 году Гумилев сделал головокружительный маневр, добившись опубликования в издательстве “Искусство” книги “Старобурятская живопись” о тибетско-бурятской иконописи, которая явилась и полной неожиданностью для клана искусствоведов, и стала поводом для их обиды. Появление этой книги на год-другой сбило с толку преследователей, и они потратили еще лишнее время на поиски крамолы в этой книге-альбоме, посвященной толкованию буддологического канона и расшифровке сюжетов иконописи в тибетской и бурятской живописи» (Куркчи 1997: 49).

На самом деле альбом «Старобурятская живопись» был откровенной халтурой. Большая вступительная статья Л. Гумилева представляла собой компиляцию из его более ранних статей по истории Тибета и никак не связана с иллюстративной частью — иконами и скульптурами из Агинского дацана. Меньше всего статья посвящена «толкованию» буддийского изобразительного канона и «расшифровке сюжетов», да и большая часть этих сюжетов определена в ней неверно. После публикации альбома было проведено его академическое обсуждение. На нем Л. Гумилев не смог ответить на многочисленные конкретные претензии востоковедов и вполне откровенно признал, что главным для него был издательский успех, который не грозит тибетологам и искусствоведам-профессионалам — издательство-де все равно будет иметь дело с Л. Гумилевым, а не с ними (Гумилев 1996)[5].

Это кредо талантливого исследователя, окончательно сориентировавшегося на читательский и издательский успех, на «большой эффект» и отбросившего как помеху этические нормы, вполне проявилось в созданной Л. Гумилевым теории этногенеза. Не буду останавливаться на том, насколько эта теория обоснована фактами. Попытаюсь осветить даже не стержневую идею пассионарности, а лишь, так сказать, последнее слово гумилевской концепции — представление о космическом факторе — внеземном энергетическом импульсе, порождающем «пассионарный толчок», или «микромутацию, вызывающую появление пассионарного признака в популяции и приводящую к появлению новых этнических систем в тех или иных регионах» (Гумилев 1997б: 608).

Л. Гумилев неоднократно писал, что ему удалось установить и локализовать на карте первичные зоны этногенеза, или «зоны пассионарных толчков» — «узкие, до 300 км шириной, полосы, тянущиеся в меридиональном или широтном направлении на 0,5 окружности планеты и похожие на геодезические полосы» (Гумилев 1991: 14–18; 1994: 552–553; 1997а: 123–125, 403; 1997б: 412–416). В одном интервью он рассказал, что не мог самостоятельно дать «космическое объяснение фактора икс», пока не оказался на «втором космо-антропоэкологическом конгрессе», где председательствовал академик Академии медицинских наук В. Казначеев, известный покровитель всяческих околонаучных маргиналов от рерихианцев до лозоходцев. Здесь астрофизики А. Чечельницкий и И. Бутусов подсказали ему, что на земную поверхность воздействуют «частицы от солнечного ветра — заряженного потока плазмы и звездного ветра, сталкивающихся на орбите Плутона» (Гумилев 1993: 145)[6].

Несмотря на консультации у астрофизиков, Л. Гумилев имел путаное понятие о «космическом факторе пассионарных толчков». Он колебался между двумя источниками «получения Землей энергии» — «от Солнца» и «от рассеянных пучков энергии в Галактике». Что касается «солярной гипотезы», то в одной части текста он мог написать о том, что ее «сразу можно отбросить… ибо Солнце освещает одновременно целое полушарие, а не узкую полосу шириной в 200-300 км» (Гумилев 1997а: 405–406), а затем возвращался к «солярной гипотезе» и утверждал, что большинство «пассионарных толчков» совпадают с максимумами солнечной активности (Гумилев 1997а: 406; 1991: 26–28). В другой работе содержится прямо противоположное утверждение: «…Все датированные пассионарные толчки хронологически совпадают с минимумами солнечной активности либо с периодами ее спада» (Гумилев 1997б: 578, 583). И тогда он пытался выпутаться с помощью «каких-то космических лучей», «вариабельного космического облучения», «отдельных квантов или пучков космического излучения». Эти лучи то ли воздействуют на земную поверхность после образования «турбулентных завихрений» на орбите Плутона при встрече с «солнечным ветром» (но тогда нужна высокая солнечная активность), то ли обретают способность достигать земной поверхности при снижении «защитных свойств ионосферы» (тогда нужны спады солнечной активности).

В общем, мы наблюдаем муки дилетанта, запутавшегося в далекой от него научной области. Л. Гумилеву как гуманитарию и литератору были куда ближе конкретные образы вроде гиперболоида инженера Гарина или стрельбы из револьвера по глобусу в романе А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине». Он так примерно и писал: «Когда рассматриваешь ареалы пассионарных взрывов, то создается впечатление, будто земной шар исполосован неким лучом, причем с одной лишь стороны, а распространение пассионарного толчка ограничивалось кривизной планеты» (Гумилев 1997б: 391–392)[7].

Ясно, что такие представления не имеют ничего общего с азами астрофизики. Источником направленного излучения, кумулятивно и без девиации оставляющего на земной поверхности «зоны воздействия» шириной 200-300 км, не может быть ни само Солнце (при диаметре 1,395 млн км, что в 109 раз больше диаметра Земли, и при расстоянии от Земли до Солнца 150 млн км), ни его элементы. Высота типичного протуберанца — 40 тыс. км, ширина — 200 тыс. км. Даже диаметр наименьшего элемента фотосферы, т. е. излучающей поверхности Солнца — в среднем 1000 км. Что касается «солнечного ветра», то составляющие его протоны и электроны, проникнув в магнитное поле Земли, собираются на высоте 4 и 16 тыс. км в радиационные пояса (пояса Ван Аллена), имеющие размытые границы и ширину, сопоставимую с размером Земли (внешний пояс в несколько раз превосходит эти размеры). Из этих данных ясно и то, что звездная космическая энергия несолярного

происхождения вовсе не способна «полосовать земной шар» в пределах 300 км по ширине.

В конце 60-х годов Л. Гумилев попытался подкрепить теорию пассионарности авторитетом выдающегося специалиста по радиационной и популяционной генетике Н. Тимофеева-Ресовского. А. Куркчи пишет: «Сам Гумилев считал теорию пассионарности своим вкладом в национальную русскую школу естествознания, где у него были, по его собственному счету, предшественники и прежде всего В. Вернадский, Н. Тимофеев-Ресовский» (Куркчи 1997: 25). Это явная натяжка, потому что сам А. Куркчи опубликовал (в Приложении к главному труду Л. Гумилева. – *Ред.*) документы, относящиеся к контактам Л. Гумилева и Н. Тимофеева-Ресовского[8]. Контакты эти имели отрицательный результат: Н. Тимофеев-Ресовский отказался от совместной публикации. Л. Гумилев составил таблицу, сопоставляющую их точки зрения. На такие вопросы, как «Не связано ли возникновение пассионарных мутаций с космическими лучами?» и даже «Не имеет ли пассионарность энергетическую основу по биохимическому закону В. Вернадского?». Н. Тимофеев-Ресовский отвечал отрицательно (Л. Гумилев, конечно, положительно). Скорее всего, Н. Тимофеев-Ресовский скептически отнесся и к самому понятию пассионарности, потому что на вопрос «Как объяснить суть пассионарности?» после определения Л. Гумилева («вид энергии») в таблице зафиксирован резкий ответ Н. Тимофеева-Ресовского: «Никак» (Гумилев 1997б: 624–625)[9].

В каком смысле Л. Гумилева можно считать предтечей тюркофильской квазиисториографии? Очевидно, что не в прямом смысле и не в смысле узком, т. е. собственно тюркистском.

В 1975 г. вышла книга О. Сулейменова «Аз и Я» (Сулейменов 1975). Вторая часть этого нашумевшего сочинения называлась «Шумер-намэ», т. е. содержала развернутое изложение шумерского сюжета — одного из наиболее распространенных, почти обязательных в тюркофильской квазиисториографии. Утверждение о близости тюркских и шумерского языков включается во всяческие «программные» тексты, издаваемые пантюркистскими организациями[10]. Окажись Л. Гумилев действительно, как его упрекали, тюркофилом («татаролюбом»), ему следовало бы обрадоваться неожиданному союзнику и взять его под защиту. Но после публикации в журнале «Молодая гвардия» направленной против книги О. Сулейменова статьи А. Кузьмина, он написал небольшой отклик «Спор с поэтом. По поводу статьи А. Кузьмина “Точка в круге, из которой вырастет репей”[11]. Отклик этот вполне презрителен: «Количество фактических ляпсусов в книге Сулейменова превышает число страниц», «перед читателем поэтическая мистификация», «эмоциональные фантасмагории», «вымысел и безответственность суждений», «буйное воображение алма-атинского поэта».

В сочинениях Л. Гумилева нет тюрко-шумерских или тюрко-скифских отождествлений, непременных для тюркистского этноисторического нарциссизма. Но если отвлечься от этнической окраски квазиисториографии, то Л. Гумилева можно считать ее предтечей. И именно тюркистские квазиисториографы не могут обойтись без Л. Гумилева, о чем свидетельствуют частое цитирование, многочисленные издания его работ и всяческие посмертные почести вроде учрежденного в новой казахстанской столице Астане Евразийского университета им. Л. Гумилева. Почему?

Очевидных причин две. Во-первых, Л. Гумилев, особенно после выхода в свет книги «Поиски вымышленного царства», в глазах тюркской и монгольской (в СССР — бурятской и калмыцкой) аудитории оказался защитником от «антикочевнических», «антистепных», «антизолотоордынских» стереотипов шовинистической историографии.

Во-вторых, Л. Гумилев резко снизил различимый широкой аудиторией уровень академического профессионализма, а благодаря литературному таланту и завидной плодовитости показал (и, что чрезвычайно важно, на личном примере): в глазах общественного мнения можно стать «великим ученым» и «властителем дум», не только не пытаясь подняться над дилетантским уровнем, но и обходясь без всякой рефлексии по поводу собственных, порой грубейших, ошибок. В истории с «космическим импульсом пассионарных толчков» он, по-видимому, просто пошел на подлог, выдавая несогласие Н. Тимофеева-Ресовского с главным тезисом «теории пассионарности» за согласие.

Ориентация на эффект представляется мне одним из проявлений общего современного кризиса гуманитарных наук (Кореняко 1994), который нашел крайнее выражение в постмодернизме с характерными для него беззастенчивым самовыражением и интеллектуальной неряшливостью. Но этот кризис затронул и те направления научных исследований, которые формально, по методологии и аппарату остаются в пределах картезианской парадигмы. Степень проникновения кризисных явлений в профессиональную академическую науку можно установить на примере сосуществования в одном академическом головном институте (буквально на одном этаже одного здания) двух реконструкций восточно-славянского этногенеза.

Известно, что излюбленным этногенетическим мифом украинского национализма является представление о происхождении украинцев (или восточных славян в целом) от носителей трипольской культуры. Хотя сама идея была высказана еще открывателем трипольских памятников украинским археологом В. Хвойкой, наибольший вклад в разработку концепции принадлежит Б. Рыбакову, около тридцати лет возглавлявшему Институт археологии Академии наук СССР. Реконструкция этногенетической преемственности между племенами трипольской культуры и восточными славянами проводилась им в нарушение всех хорошо известных методических процедур. Проблема субстрата, соотношения субстрата с адстратом им вообще не ставилась — племена трипольской культуры, а заодно и скифы-сколоты были просто объявлены праславянами (Рыбаков 1979: 195–238; 1981а, № 1: 55–75, № 2: 40–59; 1981б: 608; 1988: 8–120). Несмотря на попытки критики

(Новосельцев 1993: 23–31) , эффект этой гиперавтохтонистской гипотезы был налицо. Б. Рыбаков не только издал и переиздал свои сочинения на чрезвычайном для академического издательства «Наука» полиграфическом уровне, но и получил все мыслимые для советского археолога звания и награды.

Одновременно в качестве директора института Б. Рыбаков руководил работой над «Археологией СССР с древнейших времен до средневековья» в 20 томах. Славянскому этногенезу посвящен том «Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.». Там даны характеристики девяти археологических культур, среди которых обычно ищут кандидатов в предки славян. Из них с праславянами гипотетически можно связывать зарубинецкую, пшеворскую, киевскую и черняховскую культуры. Более или менее уверенно говорят о праславянской принадлежности пшеворской и киевской культур (Славяне и их соседи 1993). Общее впечатление унылое, потому что по сути ситуация остается такой же, как во времена Л. Нидерле, писавшего еще в 1901 г. о полной путанице, царящей в представлениях археологов о славянских древностях до V века н. э. И это несмотря на целый век непрерывных раскопок и тысячи публикаций. Вещевой материал этих культур по сравнению с полихромной керамикой и выразительной пластикой триполь- цев — «знатных предков» славян по Б. Рыбакову — невзрачен и никому, кроме специалистов, не интересен. В итоге — никаких эффектов и соответственно личных успехов.

Как видно, у академика Б. Рыбакова и его бывших подчиненных по Институту археологии подходы к проблеме разные. Однако квазиисториографические эффекты с железной необходимостью дают себя знать. Авторы тома не решаются вслед за Б. Рыбаковым растягивать процесс славянского этногенеза во времени и пространстве, но склонны об этом сожалеть. И славянская общность появляется до обидного поздно, и территория от Одера до Днепра кажется маловатой. Редактор тома И. Русанова писала: «По мнению сторонников одного направления, славянская общность — очень позднее образование, сложившееся лишь в середине I тысячелетия н. э… При таком представлении оказывается, что славянская общность сложилась необыкновенно быстро, создала сразу же довольно прочную и своеобразную культуру и распространилась на огромную территорию… Столь быстрое сложение огромной этнической общности, выступившей в середине I тысячелетия н. э. уже в сформировавшемся виде, кажется неправдоподобным» (Русанова 1993: 195).

Разобранный пример показывает, насколько глубоко в среду профессиональных историков могут внедряться установки на неадекватные реконструкции, переходящие в квазиисторическую мегаломанию.

Основная опасность видится мне в том, что установка на удревнение изучаемых объектов имманентно присуща историкам, особенно в тех областях, которые испытывают недостаток абсолютных хронологических реперов (археология, историческая этнография бесписьменных периферийных народов и т. п.). Еще М. Блок писал об этом «эмбриогеническом наваждении»: «Объяснение более близкого более далеким, естественно, любезное сердцу людей, которые избрали прошлое предметом своих занятий, порой гипнотизирует исследователей. Этот идол племени историков можно было бы назвать “манией происхождения”. <…> В обиходном словоупотреблении “истоки” — это начало, являющееся объяснением. Хуже того: достаточное для объяснения. Вот где таится двусмысленность, вот где опасность. <…> В общем это уже было иллюзией прежних этимологов, которым казалось, что они все объяснили, когда, толкуя современное значение слова, приводили самое древнее из им известных… Как будто главная проблема не в том, чтобы узнать, как и почему произошел сдвиг значения» (Блок 1986: 19–21).

В нескольких публикациях, основанных на анализе отечественной археологической литературы последних десятилетий, мне уже приходилось констатировать, что с 70-х годов в таких областях, как археология бронзового века и скифо-сарматская археология, нарастала «тенденция к удревнению» памятников и культур. Многие карьеры здесь были сделаны именно на волне этой тенденции, принявшей в последнее десятилетие иррациональные формы некой антиквомании («чем древнее, тем лучше») (Кореняко 1990: 4–17; 1994: 8–29). Например, проблема происхождения культур скифского типа была просто подменена все более древними датировками кочевнических памятников, а удревнение степных культур бронзового века сочеталось с судорожными и противоречивыми поисками «прародины» индоиранцев и индоариев.

В принципе «тенденцию к удревнению», крайние проявления которой действительно можно определить как антиквоманию, можно объяснить тем, что археолог Л. Клейн назвал «историзаторской тенденцией» или «панисторизмом» советской археологии (и наверняка ее «правопреемницы» — археологии российской). Он полагает, что «историзация» археологии произошла под давлением официозной философии с ее «принципом историзма» (Клейн 1992: 55–63) . Я считаю это объяснение отчасти верным, но односторонним. Его необходимо дополнить, во-первых, влиянием общего кризиса гуманитарных наук, сопровождавшимся отходом от картезианской парадигмы, размыванием научной этики и ориентацией специалистов на самоутверждение и эффекты. Во-вторых, целесообразно учитывать психические особенности гуманитариев (археологов, доисториков, этноисториков), занятых в специальностях, являющихся маргинальными по отношению к фундаментальным наукам. Маргинальное положение само по себе подталкивает к «поиску эффектов» и погружает в то «эмбриогеническое наваждение», о котором писал М. Блок.

Вина гуманитарных наук не только в том, чем и как они занимались, но и в том, чем они не занимались. Л. Клейн справедливо указывает, что «историзированная» археология (или, по известному выражению А. Арциховского, «история, вооруженная лопатой») развивалась «в обход источниковедческой базы». В стремлении обрести статус «исторической науки» археология

не стала серьезной источниковедческой дисциплиной (Клейн 1993: 56–58).

Старательно избегая упреков в «чистом вещеведении», отечественные археологи (за единичными исключениями) не только не приступили к исследованию, но и не интересовались проблемами морфогенеза в материальной культуре и прикладном искусстве. Характерно полное отсутствие в отечественной археологии и этнографии работ, посвященных проблеме конвергентных явлений. Насколько мне известно, специальные оригинальные исследования конвергентных явлений материальной культуры в отечественной археологической литературе отсутствуют практически полностью. А ведь во многих ситуациях к этой проблеме специалистов, казалось бы, подталкивает сам материал, буквально «кричащий» о конвергенции. Но такая альтернатива в лучшем случае характеризуется скороговоркой в одном абзаце. Очень показателен в этом смысле сборник, составленный из статей советских и американских исследователей (Традиционные культуры 1981). Если бы отечественные гуманитарные дисциплины в этом направлении вышли хотя бы на западноевропейско-американский уровень (в общем, тоже не высокий), то и дилетанты знали бы о существовании академического барьера, не позволяющего любое сходство любых предметов с легкостью необычайной объяснять в автохтонистском или миграционистском духе. При отсутствии же теории морфогенеза и разработок по конвергентным феноменам вроде бы и не кажется диким дилетантством известное построение И. Мизиева и К. Лайпанова: скифы и сарматы известны античным авторам как «гиппомолги» («доители кобылиц»); тюркам свойственно употребление кумыса; следовательно, скифы и сарматы – тюрки (Лайпанов, Мизиев 1993: 27,46, 48, 51, 90).

Этот пример подводит нас к еще одной проблеме, от разработки которой упорно отказываются академические историки и археологи. Речь идет о палеолингвистической атрибуции скифов, савроматов, сарматов, саков — в общем, носителей археологических культур скифского типа. В академической среде практически все согласны с концепцией В. Миллера — В. Абаева, по которой все эти древние этносы были ираноязычными. Однако многие иранские этимологии, приводившиеся В. Абаевым, кажутся мне не более убедительными, чем тюркские этимологии, предлагающиеся М. Закиевым, И. Мизиевым и К. Лайпановым. Отмечу, что в советской литературе идея о тюркоязычии казахстанского населения скифо-сакской эпохи высказывалась и казахскими лингвистами, причем довольно давно и главным образом теми, которых нельзя заподозрить в тюркистских этнонационалистических настроениях и которые были скорее «русофилами», — например, С. Аманжоловым. Еще больше смущают данные палеоантропологических исследований. Нет оснований не доверять антропологам, установившим наличие монголоидных элементов в краниологических сериях на территориях по крайней мере восточнее меридиана Аральского моря уже в VII–VI вв. до н. э. (Гинзбург, Трофимова 1972: 106, 109–140, 341).

Я не говорю о том, что эти факты опровергают господствующую концепцию ираноязычия саков, но в любом случае они говорят о наличии проблемы (Вильданов 1998: 155). Проблема не решается и даже корректно не ставится. Сторонники противоположных точек зрения существуют как бы в параллельных мирах, высказываются в разных аудиториях, а если встречаются, то плодотворной дискуссии не выходит. Так было, например, в 1969 г. на научной сессии по этногенезу башкир в Уфе, когда сторонники гипотезы о присутствии тюркского элемента в Приуралье и Казахстане в скифо-сарматское время К. Петров и Н. Мажитов были одернуты большинством выступавших по принципу «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда» (Мажитов 1971: 11–16; Петров 1971: 263–267; Археология и этнография1971: 332– 346).

Наконец, российские востоковедение, этнология, религиоведение получили в наследство от советской академической науки тяжкий дисбаланс между освоением исламского пласта в духовной культуре мусульманских народов и изучением доисламских реликтовых культурных феноменов. Достаточно взять библиографическую сводку по любому мусульманскому народу Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Кавказа, чтобы убедиться: усилия сосредоточивались и до сих пор направляются на поиск и интерпретацию так называемых «доисламских верований» (Ярлыкапов: 1998). Именно на этом направлении работали целые подразделения институтов, защищались диссертации, строились карьеры и делались имена.

Впечатляет и сравнение, количественное и качественное, советской (российской) и западной исламоведческой литературы. Даже основной источник — Коран наши читатели очень долго вынуждены были изучать по единственному доступному изданию — переводу И. Крачковского. Разумеется, мне трудно оценить достоинства этого перевода, но как быть с комментариями, которые «не являются комментариями в прямом смысле слова» и только «еще должны были превратиться в комментарии в процессе предстоявшей И. Крачковскому работы над переводом и в зависимости от направленности ее»? (Беляев, Грязневич, 1986: 12).

Из квалифицированной справочной литературы наши читатели имеют небольшой словарь, изданный в 1991 г. тиражом 50 тыс. экземпляров (Ислам 1991)[12]. На Западе к услугам англоязычной, германоязычной и франкофонной аудитории — целый набор энциклопедий по исламу, в том числе несколько многотомных справочников.

Понятно, что если бы не этот дисбаланс, если бы знание исламской культуры в российской гуманитарной среде находилось на достойном уровне, то меньше было бы шансов на успех у доморощенных тюркистских этимологий и архаизирующих гипотез, из которых, собственно, и выросла вся тюркская дилетантская квазиисториографическая публицистика.

В. Тишков совершенно справедливо отмечал: «Самым серьезным препятствием на пути утверждения гражданского национализма (или российского патриотизма) является не столько национализм нерусских народов, сколько национализм от

имени “русской нации” как некоей “государствообразующей” или “сплачивающей” нации, да еще превращающий ее в некий “суперэтнос”» (Тишков 1996: 35–36).

Применительно к теме статьи это означает, что русская шовинистическая квазиисториографическая публицистика обладает куда большими стажем и объемом, чем все упражнения тюркистских историков-дилетантов, вместе взятые. Она родилась не вчера — уже в XIX в. она цвела пышным цветом и была представлена именами В. Ламанского, А. Черткова, А. Вельтмана, А. Риттиха и др. И в советское время, особенно в 1980-е годы, «историософствующие» фантазеры-шовинисты пользовались мощной поддержкой государственных издательств, например, «Молодой гвардии». Напомню, что, несмотря на появление в тюркской националистической среде историографических фальсификаций[13], ни одна из них не получила и вряд ли получит такие пропаганду и аудиторию, как знаменитая «Влесова книга».

Библиографический список

Аджи 1994 – Аджи М. Полынь Половецкого Поля: Из родословной кумыков, карачаевцев, балкарцев, казаков, казахов, татар, чувашей, якутов, гагаузов, крымских татар, части русских, украинцев и других народов, ведущих свое начало от тюркского (кипчакского) корня и забывших его. М.: Контекст, 1994.

Аджиев 1992 – Аджиев М. Мы — из рода половецкого! Из родословной кумыков, карачаевцев, казаков, балкарцев, гагаузов, крымских татар, а также части русских и украинцев. [Б. м.], 1992.

Бахши Иман 1993 – Бахши Иман. Джагфар тарихы. Т. 1. Свод булгарских летописей. 1680 год; Изложение текста «Джагфар тарихы» на русском языке, сделанное жителем города Петропавловска И. М.-К. Нигматуллиным в 1939 году. Оренбург: Редакция вестника «Болгар иле», 1993.

Бернштам 1946 – Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

Блок 1986 – Блок М. Апология истории, или Ремесло историка: Изд. 2-е / Пер. Е. М. Лысенко; примеч. А. Я. Гуревича. М.: Наука, 1986. (Памятники исторической мысли).

Бромлей 1983 – Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

Бромлей 1981 – Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981.

Вильданов 1998 – Вильданов А. А. К проблеме этнической принадлежности алан // С. И. Руденко и башкиры / Отв. ред. Р. М. Юсупов, М. В. Мурзабулатов. Уфа: *Гилем*, *1998*. С. 152–156.

Выступления 1971 – [Выступления в прениях В. Генинга, К. Петрова, В. Оборина, М. Мошковой, Н. Мажитова, Р. Кузеева] // Археология и этнография Башкирии / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1971. Т. 4: Материалы научной сессии по этногенезу башкир, май 1969 г. С. 332–346.

Гинзбург, Трофимова 1972 – Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972.

Беляев, Грязневич 1986 – Беляев В., Грязневич П. Предисловие ко второму изданию // Коран: Изд. 2-е / Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М.: Наука, Гл. ред вост. лит-ры, 1986. С. 3–24.

Гумилев 1994 – Гумилев Л. Н. Аннотация на книгу «Этногенез и биосфера Земли» // Гумилев Л. Н. От Руси до России. Очерки этнической истории: Сочинения. Сост. Н. В. Гумилева; Пред., коммент., общ.ред. А. И. Куркчи. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. С. 552–553.

Гумилев 1997, кн. 2 – Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь / Сост и общ. ред А. И. Куркчи. В 2 кн. Кн. 2. М.: ДИ-ДИК, 1997.

Гумилев 1996 – Гумилев Л. Н. Древний Тибет / Сост., коммент. Мамаладзе И. В., подгот., общ. ред. Куркчи А. И. М.: ДИ-ДИК, 1996.

Гумилев 1997а – Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало / Сост. и общ. ред. А. И. Куркчию М.: ДИ-ДИК, 1997.

Гумилев 1993а – Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации / Предисл. С. Б. Лаврова. М.: Прогресс-Пангея; Экопрос, 1993.

Гумилев 1993б – Гумилев Л. Н. Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава // Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации / Предисл. С. Б. Лаврова. М.: Прогресс-Пангея; Экопрос, 1993. С. 32–44.

Гумилев 1975 – Гумилев Л. Н. Старобурятская живопись. Исторические сюжеты в иконографии Агинского дацана. М.: Искусство, 1975.

Гумилев 1991 – Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку; Азернешр, 1991.

Гумилев 1997б – Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ДИ-ДИК, 1997.

Драгунский 1998 – Драгунский Д. Массовая культура для избранных // Итоги, 1988. № 9 (94). С. 50–53

Ефремов 1971 – Ефремов Ю. К. Важное звено в цепи связей человека с природой // Природа, 1971. № 2. С. 77–80.

Илюмжинов 1997а – Илюмжинов К. Н. Калмыкия — земля духа: национальная идея. Элиста, 1997.

Илюмжинов 1997б – Илюмжинов К. Н. Моя политика: Штрихи размышлений. — Элиста, 1997.

Ислам 1991 – Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, гл. ред. восточ. лит-ры. 1991.

Ислам 2006 – Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. Т. I. М.: Восточная лит-ра, 2006.

Клейн 1993 – Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб.: ФАРН, 1993.

Козлов 1974 – Козлов В. И. О биолого-географической концепции этнической исто-рии // Вопросы истории, 1974. № 12. С. 72–85;

Кореняко 1994 – Кореняко В. А. Константин Федорович Смирнов как исследователь // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 12, в 1992 году / Отв. ред. А. А. Горбенко, науч. ред В. Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея, 1994. С. 8–29.

Кореняко 1990 – Кореняко В. А. О времени появления раннескифских памятников на Северном Кавказе // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века / Отв. ред. В. Е. Максименко. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1990. С. 4–17.

Кореняко 2000 – Кореняко В. Этнонационализм. Историография и академическая наука // Реальность этнических мифов / Под ред. А. Малашенко и Марты Брилл Олкотт. М.: Московский центр Карнеги. Аналитическая серия, вып. 3. М.: Гэндальф, 2000. С. 34–52.

Крюков и др. 1979 – Крюков М. В., Малявин В. В., Сафронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979.

Куркчи 1997 – Куркчи А. И. Л. Гумилев и его время // Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства: Легенда о «государстве пресвитера Иоанна». М.: ДИ-ДИК, 1997.

Лайпанов, Мизиев 1993 – Лайпанов К. Т., Мизиев И. М. О происхождении тюркских народов. Черкесск: ПАО «ПУЛ», 1993.

Лев Гумилев 1993 – Лев Гумилев — Дмитрий Балашов: в какое время мы живем? // Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. / Предисл. С. Б. Лаврова. М.: Прогресс-Пангея; Экопрос, 1993. С. 145–162.

Мажитов 1971 – Мажитов Н. А. Происхождение башкир (историко-археологический анализ) // Археология и этнография Башкирии / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1971. Т. 4: Материалы научной сессии по этногенезу башкир, май 1969 г. С. 11–16.

Моральный кодекс 1996 – Моральный кодекс тюркской молодежи. Анкара: Мави, 1996.

Новосельцев 1993 – Новосельцев А. П. «Мир истории» или миф истории? // Вопросы истории, 1993. № 1. С. 23–31.

Петров 1971 – Петров К. И. Об общности урало-алтайских, индоевропейских и других языков // Археология и этнография Башкирии / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1971. Т. 4: Материалы научной сессии по этногенезу башкир, май 1969 г. С. 263–267.

Пьянков 1990 – Пьянков И. О некоторых грубых ошибках в интерпретации фактов истории // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Сер. истории, философии и права, 1990. № 1. С. 176–183.

Рыбаков 1979 – Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия: Историко-археологический анализ. М.: Наука, 1979.

Рыбаков 1981а – Рыбаков Б. А. Новая концепция истории Киевской Руси (Тезисы) // История СССР, 1981. № 1. С. 55–75, № 2. С. 40–59.

Рыбаков 1981б – Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.

Рыбаков 1988 – Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1988.

Русанова 1993 – Русанова И. П. Заключение // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. / Отв. ред И. П. Русанова. Э. А. Сымanович. М.: Наука, 1993. С. 192–197 .

Славяне 1993 – Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. / Отв. ред И. П. Русанова. Э. А. Сымanович. М.: Наука, 1993.

Стругацкие 1993 – Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Пикник на обочине; Парень из преисподней; За миллиард лет до конца света; Повесть о дружбе и недружбе. М.: Текст, 1993.

Сулейменов 1975 – Сулейменов О. О. Аз и Я: Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата: Жазушы, 1975.

Тананайко 1998 – Тананайко О. Д. О Гумилеве // Итоги, 1988. № 14 (99). С. 4.

Тишков 1996 – Тишков В. А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1996.

Традиционные культуры 1981 – Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: Труды советско-американской группы по сотрудничеству в области изучения взаимодействия аборигенных народов и культур Северной Сибири и Северной Америки / Отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1981.

Чечельницкий 1980 – Чечельницкий А. М. Экстремальность, устойчивость, резонансность в астродинамике и космонавтике. М.: Машиностроение, 1980.

Чивилихин 1982 – Чивилихин В. А. Память: Роман-эссе. М.: Современник, 1982.

Шнирельман 1996 – Шнирельман В. А. Борьба за аланское наследие (этнополитическая подоплека современных этногенетических мифов) // Восток, 1996. № 5. С. 100–113.

Шнирельман 1988 – Шнирельман В. Движение биосферы милостью божьей // Итоги, 1988. № 9 (94). С. 51–52.

Шнирельман 1995 – Шнирельман В. А. Националистический миф: основные характеристики (на примере этногенетических версий восточнославянских народов) // Славяноведение, 1995. № 6. С. 3–13.

Шнирельман 1998а – Шнирельман В. А. Неоязычество и национализм: Восточно-европейский ареал / Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН, №114. М., 1998.

Шнирельман 1998б – Шнирельман В. А. Постмодернизм и исторические мифы в современной России // Вестн. Омского ун-та, 1998. Вып. 1. С. 66–71.

Ярлыкапов 1998 – Ярлыкапов А. А. Библиографический указатель научной литературы по ногайцам. Махачкала: Изд-во РИП, 1998.

Shnirelman 1995 – Shnirelman V. A. Alternative Prehistory // Journal of European Archaeology, 1995, Vol. 3, No.2. P. 1–20.

Shnirelman 1996 – Shnirelman V. A Who Gets the Past? Competition for Ancestors among Non-Russian Intellectuals in Russia. Washington; Baltimore; London, 1996.

Shnirelman 1997 – Shnirelman V. A. Etnogeneze jakozto politika aneb Proc se soveti tolik venovali etnogenetickym studiim // Cesky lid, 1997, No. 1. S. 39–57.

[1] См.: (Кореняко 2000: 34–52). Также доступно на персональном сайте Владимира Кореняко. URL: http://korenyako.ru/doc/etno.htm (дата обращения: 02.07.2016). В с вою очередь, как отметил сам В. А. Кореняко. статья представляет собой переработанный текст доклада «Тюркский национализм в зеркале дилетантской литературы», прочитанного в Московском Центре Карнеги 22 октября 1998 г.

[2] Можно предположить три линии воздействия пассажа М. Аджиева о «народиках-карапузах» и подобных ему текстов. Первая: получает очередной стимул тюркистское «говорение» о некоем древнем общем величии. Вторая: эпатированность, раздраженность тюркского читателя, возникающая от того, что его народ назван «народиком-карапузом». Третий вариант воздействия, несколько неожиданный, зафиксирован мной в ногайском ареале (Ногайский район Дагестана) во время полевых исследований 1995 и 1996 гг. после того, как к ногайским читателям попала вышедшая в Москве в 1994 г. книга М. Аджиева «Полынь Половецкого Поля…». Хотя в самом тексте М. Аджиев упоминает ногайцев, но в подзаголовке среди «народов, ведущих свое начало от тюркского (кипчакского) корня», их нет. Это вызвало единодушные претензии ногайских интеллигентов к М. Аджиеву: в список «народиков-карапузов» он не включил ногайцев, для этнонационалистических деятелей которых кипчакское происхождение народа бесспорно и служит предметом гордости.

[3] Отрицательный читательский отзыв на эти публикации см.: (Тананайко 1988: 4).

[4] См., например: (Гумилев 1997а: 208). Вполне и нарочито дилетантские рассуждения о даосизме занимают как раз один абзац: «Откровенно говоря, я долгое время, сколько ни читал всякой литературы, не мог понять, что такое “Дао”. Но когда стал общаться с китайцами, то все-таки кое-что понял (они мне объяснили и я нутром почувствовал). Дао — это Вселенная с диаметром в бесконечность, которая то сокращается до точки, то опять расширяется… Вот такая пульсирующая Вселенная и есть “Дао”. Понятнее объяснить не могу».

[5] В книге (Гумилев 1996) воспроизведены иллюстрации к альбому «Старобурятская живопись» с сопоставлением атрибуций Л. Гумилева и новых атрибуций, предложенных Т. Сергеевой. Опубликована и запись обсуждения книги Л. Гумилева «Старобурятская живопись» в Музее антропологии и этнографии 10 июня 1976 г.

[6] Впервые это интервью было опубликовано в первом номере журнала «Согласие» за 1990 г. (с. 3–19). В нем Гумилев ссылался на: (Чечельницкий 1980).

[7] Ср. у братьев Стругацких: «Послушайте, земляк. Радиант Пильмана — это совсем простая штука. Представьте себе, что вы раскрутили большой глобус и принялись палить в него из револьвера. Дырки на глобусе лягут на некую плавную кривую. Вся суть… заключается в простом факте: все шесть зон Посещения располагаются на поверхности нашей планеты так, словно кто то дал по Земле шесть выстрелов из пистолета, расположенного где-то на линии Земля — Денеб» (Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. 1993: 7).

[8] В том числе таблицы, сопоставляющие «гипотезы и мысли Л. Н. Гумилева» и «устные ответы Н. В. Тимофеева-Ресовского и Н. В. Глотова» (Гумилев 1997б: 624, 625).

[9] Вдова Л. Гумилева Н. Гумилева вспоминала: «Тимофеев-Ресовский, как мне после рассказал Лев, обозвал его сумасшедшим параноиком, обуреваемым навязчивой идеей доказать существование пассионарности» (Гумилев 1997б: 616–617).

[10] См., например; (Моральный кодекс…1996: 36–38). «Кодекс» издан на турецком и русском языках Международным объединением тюркской молодежи, тираж распространялся в 1996–1997 гг. в Поволжье и на Северном Кавказе. Анонимные авторы «Кодекса» одновременно с шумерским связывали «тюркский язык» также с урартским и хаттским — «по типу приставок» или «по одинаковому применению приставок».

[11] Опубликован впервые только в 1997 г. . См.: Гумилев 1997, Кн. 2: 519–524).

[12] *Прим. С. Панарина.* К настоящему времени этот пробел частично восполнен. Можно сослаться, например, на энциклопедическое издание (Ислам 2006).

[13] Имеется в виду: (Бахши Иман 1993).